

(479) ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ
К СВЕТЛЕЙШЕМУ ГИПАТУ АНТОНИЮ ГОРДИАНУ

В двух книгах я описал для тебя как любомудров, слывших софистами, так и софистов в прямом смысле слова, ибо знаю, что род твой ведется от софиста Герода¹ и названному искусству причастен, а еще помню, сколь усердно толковали мы некогда о софистах в святилище Дафнейского предместья, что под Антиохией. Отцов их я называл не всегда, бог с ними, разве

¹ Слова «род твой ведется от Герода» заставляли некоторых предположить, что Гордиан – внук Герода: различие возрастов это допускает, но от брака рано умершей дочери Герода Элпиники с неизвестным лицом (см. II. 1. 558 и прим.) ок. 160 н.э. родилась дочь, а единственный сын Герода принадлежал, как и сам Герод, по отцу к Клавдиям и по матери к Атилиям, между тем как Гордиан был по отцу из Антониев, а по матери, вероятно, из Ульпиев (SHA Gord. 2) – итак, во внуки Героду он не годится, отсюда и гипотеза, что «Жизни софистов» посвящены Гордиану II, который мог быть в каком-то родстве с Геродом по материнской линии. Но Гордиан I был проконсулом Африки с осени 237 н.э., весной 238 н.э. на несколько недель сделался императором вместе с соправителем-сыном, а тот после смерти отца продержался (в качестве Гордиана II) еще несколько недель – и проконсулом не был никогда, а о литературных его пристрастиях ничего не известно, так что на адресата посвящения он совсем не похож и никакие гипотезы о его родстве с Геродом не могут считаться плодотворными. Не лучше и предложение Вивиана Наттона

(479) ΤΩΙ ΛΑΜΠΡΟΤΑΤΩΙ ΥΠΑΤΩΙ
ΑΝΤΩΝΙΩΙ ΓΟΡΔΙΑΝΩΙ ΦΛΑΥΙΟΣ ΦΙΛΟΣΤΡΑΤΟΣ

Τοὺς φιλοσοφήσαντας ἐν δόξῃ τοῦ σοφιστεῦσαι καὶ τοὺς οὕτω κυρίως προσηθέντας σοφιστὰς ἐς δύο βιβλία¹ ἀνέγραψά σοι, γινώσκων μὲν, ὅτι καὶ γένος ἐστί σοι πρὸς τὴν τέχνην ἐς Ἡρώδην τὸν σοφιστὴν ἀναφέροντι, μεμνημένος δὲ καὶ τῶν κατὰ τὴν Ἀντιόχειαν σπουδασθέντων ποτέ ἡμῖν ὑπὲρ σοφιστῶν ἐν τῷ τοῦ Δαφναίου ἱερῷ.

¹ βιβλία Kayser; βίβλους mss.

понимать «род твой» как «родство по духу» (Nutton 1970: 719–728) – оснований для такого толкования греческий текст не дает. О родстве Гордиана с Геродом Филострат скорее всего знал от самого Гордиана, и вряд ли тот лгал: с современниками генеалогические маневры удаются плохо, а Герод умер, когда Гордиану было уже лет восемнадцать. Остается предположить, что между ними и вправду было какое-то дальнейшее родство, а потому Гордиан мог с детства знать, что доводится знаменитому Героду каким-нибудь троюродным племянником через бабкину сестру, а позднее не скрывал этого от друзей-софистов – словом, не верить в его родство с Геродом причин нет, но проследить это родство невозможно, пусть не всех такое решение удовлетворяет. Нельзя не отметить, что все споры спровоцированы стилистическими предпочтениями Филострата: вместо чего-то вроде «семейство твоё издавна в родстве с семейством Герода» он выбрал более краткое и эффектное «род твой ведётся» – подобных сбивающих с толку выражений у Филострата немало, так как за точностью он следит меньше, чем за стилем.

что были знамениты, ибо наверно помню, (480) что даже софист Критий не начинал с отцов², помянувши лишь Гомерова, дабы изъяснить дивное, а именно что родителем Гомера был Мелет³, – да и мало радости любопытствующему вникать в подробности об отце и матери имярека, а о собственных его добродетелях и пороках и в чем он преуспел либо потерпел неудачу случайно либо намеренно так ничего и не узнать. Сей труд, о наилучший из анфипатов⁴, да облегчит бремя твоих забот, словно полный египетскими снадобьями кубок Елены⁵, – здравия тебе, Мусагет⁶!

² Первый биографический сборник составил Аристоксен Тарентский (пифагореец, затем перипатетик), живший столетием позже Крития, но у Крития были какие-то заметки о древних поэтах, содержащие биографический материал и цитируемые позднейшими авторами (см. I. 16. 501 и прим.).

³ Текущая близ Смирны река (ποταμός – м.р.) Мелет служила одним из главных доказательств, что из претендующих быть родиной Гомера городов этой честью обладала Смирна; миф о Мелете отражен и в известном «Состязании Гомера и Гесиода» (Cert. Nom. et Hes. 8–10).

⁴ «Анфипат» (в отличие от «гипата») – достаточно регулярное соответствие лат. *proconsul* (назначенный Сенатом правитель провинции), так что анфипатом Гордиан назван в соответствии с занимаемой должностью, а гипатом – из уважения (см. «Предупреждение», разд. 4).

⁵ Нередкий у софистов (cf. VA VII. 22) образ, восходящий к «Одиссее» (Nom. Od. IV. 219–229):

πατέρασ δέⁱ προσέγραψα, μὰ Δία, οὐ πᾶσιν, ἀλλὰ τοῖς ἀπ' εὐδοκίμων· οἷδα γὰρ (480) δὴ καὶ Κριτίαν τὸν σοφιστὴν οὐκ ἐκ πατέρων ἀρξάμενονⁱⁱ, ἀλλὰ Ὀμήρου δὴ μόνου σὺν τῷ πατρὶ ἐπιμνησθέντα, ἐπειδὴ θαῦμα δηλώσειν ἔμελλε πατέρα Ὀμήρω ποταμὸν εἶναι. καὶ ἄλλως οὐκ εὐτυχὲς τῷ βουλομένῳ πολλὰ εἰδέναι πατέρα μὲν τοῦ δεῖνος ἐξεπίστασθαι καὶ μητέρα, τὰς δὲ περὶ αὐτὸν ἀρετάς τε καὶ κακίας οὐ γινώσκειν, μηδ' ὅ τι κατώρθωσέ τε οὕτος καὶ ἐσφάλῃ ἢ τύχῃ ἢ γνώμῃ.

τὸ δὲ φρόντισμα τοῦτο, ἄριστε ἀνθυπάτων, καὶ τὰ ἄχθη σοὶ κουφιεῖ τῆς γνώμης, ὥσπερ ὁ κρατὴρ τῆς Ἑλένης τοῖς Αἰγυπτίοις φαρμάκοις.

ἔρρωσο Μουσηγέτα.

ⁱ δέ οὐ Kayser

ⁱⁱ addidit Richards

Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
в чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
им наделила...

⁶ Намек на литературные занятия самого Гордиана: в молодости он сочинял эпические поэмы (в частности, «Антонинаду» в 30 кн., о подвигах Антонина Пия и Марка Аврелия) и выступал с показательными речами в Атенеуме (SHA Gord. 3).

КНИГА ПЕРВАЯ

Древнюю софистику следует почитать любомудрою риторикой, ибо предмет у нее тот же, что у любомудров, но если любомудр, мало-помалу продвигаясь в исследовании с помощью вопросов, говорит наконец, что наверное, мол, не знает⁷, древний софист то же самое изрекает, словно сведущий, а посему и речи софистов начинаются словами вроде «знаю» и «понимаю», и «давно примечаю», и «ничто у людей не наверняка»: речам подобные зачины добавляют благородства и значительности, а истолкованию сущего – внятности⁸. Посему первый способ сходствует с людскими гаданиями, что изобрели египтяне и халдеи, а прежде них индусы⁹, умозаклячая о сущем по тысячам звезд, (481) второй же способ больше похож на богодухновенные прорицания и пророчества, точно как в известных пифийских вещаниях вроде «знаю песчинок число и ведаю моря безмерность»¹⁰ и «даст Тритогэнии Зевс всезрящий древесные стены»¹¹, и «Нерон, Орест и Алкмеон – убийцы матерей»¹², и многое подобное, высказанное точь-в-точь, как у

⁷ Намек на Сократа, спорившего с софистами и считавшего любое достоверное знание невозможным; ср. приписываемое ему «знаю, что ничего не знаю».

⁸ Эту особенность речевой манеры софистов не раз отмечал Платон: «И от него же [т. е. от Горгия] пошло у вас обыкновение, кто бы вас о чем ни спросил, отвечать уверенно и свысока, как положено знатокам» (Plat. Men. 70 B; cf. Smp. 208 C и др.); также и Аристофан вкладывает в уста Еврипиду (по общему мнению, поэту софистическому) «давным-давно его я раскусил (διέσκεμμαί πάλαί)» (Aristoph. Ran. 836); а вот в многотомном корпусе Аристотеля οἶδα («знаю») без отрицания встречается лишь дважды (Arist. Anal. Post. 78 a; Soph. El. 179 b), а γινώσκω («понимаю») – ни разу.

⁹ В «Жизни Аполлония» (кн. II и III) Филострат вслед широко читаемой «Александрии» подробно рассказывает об индийских брахманах,

Α'

Τὴν ἀρχαίαν σοφιστικὴν ῥητορικὴν ἠγεῖσθαι χρὴ φιλοσοφοῦσαν· διαλέγεται μὲν γὰρ ὑπὲρ ὧν οἱ φιλοσοφοῦντες, ἃ δὲ ἐκεῖνοι τὰς ἐρωτήσεις ὑποκαθήμενοι καὶ τὰ σμικρὰ τῶν ζητουμένων προβιβάζοντες οὐπω φασὶ γινώσκειν, ταῦτα ὁ παλαιὸς σοφιστὴς ὡς εἰδὼς λέγει. προοίμια γοῦν ποιεῖται τῶν λόγων τὸ “οἶδα” καὶ τὸ “γινώσκω” καὶ “πάλαι διέσκεμμαι” καὶ “βέβαιον ἀνθρώπῳ οὐδέν”. ἡ δὲ τοιαύτη ἰδέα τῶν προοιμίων εὐγένειάν τε προηχεῖ τῶν λόγων καὶ φρόνημα καὶ κατάληψιν σαφῆ τοῦ ὄντος. ἤρμοσται δὲ ἡ μὲν τῇ ἀνθρωπίνῃ μαντικῇ, ἣν Αἰγύπτιοί τε καὶ Χαλδαῖοι καὶ πρὸ τούτων Ἴνδοι ξυνέθεσαν, μυρίοις ἀστέρων στοχαζόμενοι τοῦ ὄντος, (481) ἡ δὲ τῇ θεσπιωδῶ τε καὶ χρηστηριώδει· καὶ γὰρ δὴ καὶ τοῦ Πυθίου ἐστὶν ἀκούειν

“οἶδα δ’ ἐγὼ ψάμμου τ’ ἀριθμὸν καὶ μέτρα θαλάσσης”
καὶ
“τεῖχος Τριτογενεῖ ξύλινον διδοῖ εὐρύοπα Ζεὺς”
καὶ
“Νέρων Ὀρέστης Ἀλκμαίων μητροκτόνοι”
καὶ πολλὰ τοιαῦτα, ὥσπερ σοφιστοῦ, λέγοντος.

изображая их обладателями божественной мудрости; не раз упоминает он об этом и далее. Мудрость египтян и халдеев (особенно их познания в математике и астрономии) была в классической древности общим местом: лексикограф Гесихий прямо определяет халдеев как «род всезнающих магов».

¹⁰ Этот стих, с которого начинается одно из «кривых» пророчеств Аполлона Крῆзу, цитирует Геродот (Hdt. I. 47) и – вольно – сам Филострат (VA VI. 11).

¹¹ Знаменитое пророчество перед Саламинской битвой, что Афина (т. е. афиняне) победит персов с помощью деревянных стен – кораблей (Hdt. VII. 141).

¹² В приложении к «Греческой Антологии» (App. Anth. VI. 106) этот стих входит в число пифийских оракулов; аллюзия на него встречается у Филострата в «Жизни Аполлония» (IV. 38), его цитируют также

софиста. В части любомудрия древняя софистика рассуждала пространно и со многими подробностями, ибо и о мужестве говорила, и о справедливости говорила, а еще о героях и о богах, а еще как и почему мироздание приобрело нынешний свой вид. А вот следующая за нею софистика – ее вернее именовать не новой, но второй, ибо и она древняя – изображала бедняков и богачей, вельмож и тиранов, и рисовала в ипотéзах¹³ известные события и известных лиц прошлого. Зачинателем древнейшей софистики соделался обретающийся у фессалийцев Горгий Леонтинский¹⁴, а зачинателем позднейшей – Эсхин, сын Атромета, исторгнутый афинянами из гражданства и обосновавшийся в Карии и в Родосе; последователи Эскина строили речь по правилам искусства, а последователи Горгия – по собственному усмотрению¹⁵.

Иные говорят, что родники не приготовленных заранее речей впервые излились от уст Перикла, (482) отчего и почитался он великим в слове, иные – что от Пифона Византийского, о коем Демосфен утверждает, что обуздать его наглое многосло-

Светоний (Suet. Nero 39) и Кассий Дион (Cass. D. LXI. 16). Орест и Алкмеон мстили матерям за убитых отцов, а Нерон – со второй попытки и чужими руками – в 59 н.э. убил приведшую его к власти Агриппину, так как не желал ее дальнейшего влияния на государственные и домашние дела.

¹³ Ипотéза (ὑπόθεσις) – показательная композиция на заданную тему; такая композиция чаще называлась мелета (μελέτη, в переводе «речь»); регулярно употребляемое в VS слово «ипотеза» сохранено как особенность стиля Филострата.

¹⁴ Plat. Men. 70 B.

Ἡ μὲν δὴ ἀρχαία σοφιστικὴ καὶ τὰ φιλοσοφούμενα ὑποτιθεμένη διήει αὐτὰ ἀποτάδην καὶ ἐς μῆκος, διελέγετο μὲν γὰρ περὶ ἀνδρείας, διελέγετο δὲ περὶ δικαιοσύνης, ἡρώων τε πέρι καὶ θεῶν καὶ ὄπη ἀπεσημάτισται ἡ ἰδέα τοῦ κόσμου.

ἡ δὲ μετ' ἐκείνην, ἦν οὐχὶ νέαν, ἀρχαία γάρ, δευτέραν δὲ μᾶλλον προσρητέον, τοὺς πένητας ὑπετυπώσατο καὶ τοὺς πλουσίους καὶ τοὺς ἀριστεάς καὶ τοὺς τυράννους καὶ τὰς ἐς ὄνομα ὑποθέσεις, ἐφ' ἃς ἡ ἱστορία ἄγει. ἦρξε δὲ τῆς μὲν ἀρχαιοτέρας Γοργίας ὁ Λεοντῖνος ἐν Θετταλοῖς, τῆς δὲ δευτέρας Αἰσχίνης ὁ Ἀτρομήτου τῶν μὲν Ἀθήνησι πολιτικῶν ἐκπεσῶν, Καρία δὲ ἐνομιλήσας καὶ Ῥόδω, καὶ μετεχειρίζοντο τὰς ὑποθέσεις οἱ μὲν ἀπὸ Αἰσχίνου κατὰ τέχνην¹, οἱ δὲ ἀπὸ Γοργίου κατὰ τὸ δόξαν.

Σχεδίων δὲ πηγὰς λόγων οἱ μὲν ἐκ Περικλέους (482) ῥυῆναι πρώτου φασίν, ὅθεν καὶ μέγας ὁ Περικλῆς ἐνομίσθη τὴν γλῶτταν, οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ Βυζαντίου Πύθωνος, ὃν Δημοσθένης μόνος Ἀθηναίων ἀνασχεῖν φησι θρασυνόμενον

¹ *Stefec scripsit*; μετεχειρίζοντο τὰς ὑποθέσεις κατὰ τέχνην ἀπὸ Αἰσχίνου οἱ μὲν *litteris s.l. suprapositis L*; μετεχειρίζοντο τὰς ὑποθέσεις ἀπὸ Αἰσχίνου κατὰ τέχνην *LVb*; μετεχειρίζοντο τὰς ὑποθέσεις κατὰ τέχνην οἱ μὲν ἀπὸ Αἰσχίνου *Mb*; οἱ μὲν [ἀπὸ Αἰσχίνου] κατὰ τέχνην *Kayser*

¹⁵ Сведений о написанных Эсхином учебниках нет; что до Горгия, здесь, вероятно, имеется в виду бессистемность его преподавания, о которой Аристотель говорит: «...Они /последователи Горгия/ полагали, что можно наставлять учеников не в искусстве, но в плодах оного – как если бы кто утверждал, что преподаст знание для предотвращения боли в ногах, но при этом не обучал бы сапожному делу и способам изготовления обуви, а предлагал бы на выбор множество видов оной, тем самым удовлетворяя насущные потребности, ремесла же не преподавая» (Arist. Soph. El. 184 a). О возможности научиться «с голоса» подробнее см. «Флавий Филострат и его софисты», разд. 4.

вие из всех афинян умел лишь он, Демосфен¹⁶, иные же приписывают изобретение речей без подготовки Эсхину, ибо он, мол, часто плавая с Родоса в Карию¹⁷ к Мавсолу, услаждал его именно такими речами. А я вот полагаю, что, пусть Эсхин и впрямь сказал без подготовки больше, чем кто-либо другой – и в посольствах, и в отчетах о посольствах, и в судебных прениях, и перед народом, – хотя из всего оставил лишь сочиненное заранее, дабы не слишком уступать тщательно отделанным речам Демосфена, всё же первый говорить без подготовки начал Горгий, ибо именно он, пришед к афинянам в театр, отважился сказать «предлагайте!»¹⁸, а стало быть, первый решился на сие опасное предприятие, объявивши, что уж он-то сведущ во всем и готов сказать речь к любому случаю.

А навело на это Горгия вот что. Продик Кеосский сочинил не лишенный приятности рассказец, будто Доблесть и Подлость предстали пред Гераклом в образе жен, одна в щегольском пестром платье, другая же одета кое-как, и будто предлагают они совсем юному Гераклу одна – праздность и негу, другая – нужду и труды¹⁹. Присочинивши к сему пространное заключение, (483) Продик превратил рассказ свой в платное представление, с коим и обходил большие города, чаруя слушателей, словно Орфей²⁰ и Фамирас, так что стяжал немало наград от фиванцев,

¹⁶ Dem. XVIII. 136.

¹⁷ Ширина пролива, отделяющего Родос от Карию, всего 20 миль (37 км); в наши дни поездка с Родоса в Мармарис относится к однодневным экскурсиям. Однако Мавсол умер в 353 до н.э., а после смерти Александра Карию утратила остатки суверенитета, переходила из рук в руки и никаких тамошних царей Эсхин навещать не мог – просто для Филострата Карию естественно ассоциируется с Мавсолом,

καὶ πολὺν ῥέοντα, οἱ δὲ Αἰσχίνου φασὶ τὸ σχεδιάζειν εὕρημα, τοῦτον γὰρ πλεύσαντα ἐκ Ῥόδου παρὰ τὸν Κἄρα Μαύσωλον σχεδίῳ αὐτὸν λόγῳ ἦσαι. ἐμοὶ δὲ πλείστα μὲν ἀνθρώπων Αἰσχίνης δοκεῖ σχεδιάσαι πρεσβεύων τε καὶ ἀποπρεσβεύων συνηγορῶν τε καὶ δημηγορῶν, καταλιπεῖν δὲ μόνους τοὺς συγγεγραμμένους τῶν λόγων, ἵνα τῶν Δημοσθένους φροντισμάτων μὴ πολλῶ λείποιτο, σχεδίου δὲ λόγου Γοργίας ἄρξαι – παρελθὼν γὰρ οὗτος ἐς τὸ Ἀθηναίων¹ θέατρον ἐθάρρησεν εἰπεῖν “προβάλλετε” καὶ τὸ κινδύνευμα τοῦτο πρῶτος ἀνεφθέγγετο, ἐνδεικνύμενος δήπου πάντα μὲν εἰδέναι, περὶ παντὸς δ’ ἂν εἰπεῖν ἐφιεῖς τῷ καιρῷ.

τοῦτο δ’ ἐπελθεῖν τῷ Γοργίᾳ διὰ τόδε· Προδίκῳ τῷ Κεῖῳ συνεγέγραπτό τις οὐκ ἀηδὴς λόγος ἢ ἀρετὴ καὶ ἢ κακία φοιτῶσαι παρὰ τὸν Ἡρακλέα ἐν εἴδει γυναικῶν, ἐσταλμένα ἢ μὲν ἀπατηλῶ τε καὶ ποικίλῳ, ἢ δὲ ὡς ἔτυχεν, καὶ προτείνουσαι τῷ Ἡρακλεῖ νέῳ ἔτι ἢ μὲν ἀργίαν καὶ τρυφήν, ἢ δὲ αὐχμὸν καὶ πόνους· καὶ τοῦ ἐπὶ πᾶσι διὰ πλειόνων συντεθέντος, τοῦ λόγου ἔμμισθον ἐπίδειξιν (483) ἐποιεῖτο Πρόδικος περιφοιτῶν τὰ ἄσθη καὶ θέλγων αὐτὰ τὸν Ὀρφέως τε καὶ Θαμύρου τρόπον, ἐφ’ οἷς μεγάλων μὲν ἠξιοῦτο παρὰ

¹ Αθήνησιν Cobet

так как из тамошних царей он был самым (а вернее, единственным) знаменитым.

¹⁸ В дальнейшем такое обращение к публике стало для софистов нормой: ср. биографии Полемона (I. 25. 537), Александра (II. 5. 571) и др.

¹⁹ Подробнее всех пересказывает эту притчу Ксенофонт (Xen. Mem. II. 1. 21–34).

²⁰ Возможно, аллюзия на Платона, говорящего то же самое о Протагоре (Plat. Prt. 315 A).

а от лакедемонян и того больше, ибо, мол, поучение его на пользу юношеству. Тогда-то Горгий, высмеяв Продика, что произносит, мол, несвежее и много раз говоренное, всецело предался речам без подготовки. Конечно же, он не избежал зависти. Был меж афинян некто Херефонт – я разумею не того, кого комедия именует «желтомордым»²¹, ибо от чрезмерного усердия страдает он малокровием, а другого, бесстыжего наглеца и завязтого насмешника, – итак, сей Херефонт, желая поглумиться над Горгием, спросил: «Почему это, Горгий, бобы брюхо пучат, а пламя не раздувают?», а тот, отнюдь не смутясь, отвечал: «Решай на свое усмотрение, ведь я-то давно знаю, что земля растит тростник нарочно для таких, как ты²²».

Видя таковую изощренность софистов, афиняне воспретили им участие в судебных заседаниях, ибо они, мол, одолевают неправедным словом праведное и выворачивают истину наизнанку, – так что Эсхин и Демосфен ругали друг друга «софистами»²³ не для того, чтобы и вправду пристыдить, а чтобы очернить пред судьями, ибо в частной жизни оба пользовались в качестве софистов большим успехом, а если верить Эсхину, Демосфен даже похвалялся знакомцам, (484) что, мол, чего пожелал, того от судей и добился, да и касательно Эсхина я уверен, что не стал бы он основополагать у родосцев искусство, им дотоле неизвестное²⁴, когда бы сам не изощрился в нем еще в Афинах.

²¹ Буквально «самшитового цвета», что подразумевает крайнюю худобу и болезненный оттенок кожи (древесина самшита твердостью и цветом похожа на кость); Херефонт назван так у Евполида (Eur. frg. 239) и в схолиях к Аристофану (Schol. Aristoph. Vesp. 1408; Nub. 503).

²² Слово *ύάρθηξ* вызывало прежде всего мифологические ассоциации, так как Прометей похитил огонь с небес в полом тростнике (Hes.

Θηβαίοις, πλειόνων δ' ἐν¹ Λακεδαιμονίοις, ὡς ἐς τὸ συμφέρον τῶν νέων ἀναδιδάσκων ταῦτα· ὁ δὲ Γοργίας ἐπισκώπτων τὸν Πρόδικον, ὡς ἔωλά τε καὶ πολλακίς εἰρημένα ἀγορεύοντα, ἐπαφῆκεν ἑαυτὸν τῷ καιρῷ. οὐ μὴν φθόνου γε ἤμαρτεν· ἦν γάρ τις Χαιρεφῶν Ἀθήνησιν, οὐχ ὄν ἡ κωμωδία πύξινον ἐκάλει, ἐκεῖνος μὲν γὰρ ὑπὸ φροντισμάτων ἐνόσει τὸ αἶμα, ὄν δὲ νυνὶ λέγω, ὕβριν ἤσκει καὶ ἀναιδῶς ἐτώθαζεν. οὗτος ὁ Χαιρεφῶν τὴν σπουδὴν τοῦ Γοργίου διαμασώμενος “διὰ τί” ἔφη “ὦ Γοργία, οἱ κύαμοι τὴν μὲν γαστέρα φυσῶσι, τὸ δὲ πῦρ οὐ φυσῶσιν;” ὁ δὲ οὐδὲν ταραχθεὶς ὑπὸ τοῦ ἐρωτήματος “τουτὶ μὲν” ἔφη “σοὶ καταλείπω σκοπεῖν, ἐγὼ δὲ ἐκεῖνο πάλα οἶδα, ὅτι ἡ γῆ τοὺς νάρθηκας ἐπὶ τοὺς τοιούτους φύει.”

Δεινότητα δὲ οἱ Ἀθηναῖοι περὶ τοὺς σοφιστὰς ὀρῶντες ἐξεῖργον αὐτοὺς τῶν δικαστηρίων, ὡς ἀδίκῳ λόγῳ τοῦ δικαίου κρατοῦντας καὶ ἰσχύοντας παρὰ τὸ εὐθύ, ὅθεν Αἰσχίνης καὶ Δημοσθένης προὔφερον μὲν αὐτὸ ἀλλήλοις, οὐχ ὡς ὄνειδος δέ, ἀλλὰ ὡς διαβεβλημένον τοῖς δικάζουσιν, ἰδίᾳ γὰρ ἠξίουσαν ἀπ' αὐτοῦ θαυμάζεσθαι. καὶ Δημοσθένης μὲν, εἰ πιστέα Αἰσχίνῃ, πρὸς τοὺς γνωρίμους ἐκόμπαζεν, (484) ὡς τὴν τῶν δικαστῶν ψῆφον πρὸς τὸ δοκοῦν ἑαυτῷ μεταγαγών, Αἰσχίνης δὲ οὐκ ἄν μοι δοκεῖ πρεσβεῦσαι παρὰ Ῥοδίοις, ἃ μήπω ἐγίγνωσκον, εἰ μὴ καὶ Ἀθήνησιν αὐτὰ ἐσπουδάκει. Σοφιστὰς δὲ οἱ παλαιοὶ ἐπωνόμαζον οὐ μόνον τῶν ῥητόρων τοὺς

¹ δὲ παρὰ Λακεδαιμονίοις **Vb** et Kayser

Theog. 567, Op. 52), но используемая для наказания учительская трость тоже, конечно, была сделана из тростника, на что и намекает Горгий.

²³ Aeschin. III. 16, 202; Dem. XIX. 250.

²⁴ Ο ρεχὰς Ἐسخίνα πο частным судебным делам не известно почти ничего, между тем как у Демосфена такие речи составляют едва ли не половину дошедшего до нас собрания.